

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

НИКИТИН

ПЕРЕДЫШКА

НЕ ПРАВД ДОЛГОЙ

ЕГО
СТРАННОЕ
СИЯТЕЛЬСТВО

ГОЛОСА ПОД КОЖЕЙ •••••

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ф91

Иллюстрации *Renge. R*

Фролов, Андрей.

Ф91 Его странное сиятельство. Голоса под кожей / Андрей Фролов. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

1886 год, Ново-Петербург — столица Российской империи и оплот некрофамилианства, загадочного культа мертвых.

С борта небохода сошли их сиятельство граф Андрей Протасов и его верный компаньон Илья. Одному из них пришлось вернуться домой после долгого отсутствия, второй впервые в холодной столице. Один прибыл уладить семейные дела, второй движим мотивами куда более интимными и таинственными. Чем встретит напарников серокаменный Ново-Петербург, цитадель сильнейшего в мире государства, где вот уже двести лет мертвые не молчат?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Фролов Андрей

ЕГО СТРАННОЕ СИЯТЕЛЬСТВО. ГОЛОСА ПОД КОЖЕЙ

Руководитель направления *В. Бакулин*. Руководитель группы *А. Мещерякова*
Ответственный редактор *Е. Аверьянова*. Литературный редактор *А. Герасимова*
Менеджер проекта *А. Чалова*. Художественный редактор *Д. Сазонов*
Компьютерная верстка *О. Крайнова*. Корректор *О. Башкирова*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарушы ел: Ресей Федерациясы

18+

Хочешь стать автором «Эксмо»?

eksmo.ru

Официальный интернет-магазин издательства «Эксмо»

ТЕРИТОРИЯ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Официальная франшиза издательства «Эксмо»

ISBN 978-5-04-215975-6

9 785042 159756 >

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Россия, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, стр. 1, эт. 20, каб. 2013. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндүрүш: «Издательство «Эксмо» ЖШК»
123308, Ресей, Мәскеу қаласы, Зорге көшесі, 1-үй, 1-құрылыс, 20 қабат, 2013-қаб.
Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасының импортына «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибутор и представитель по приемке претензий на продукцию в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

ТОО РДЦ Алматы, Алматы, ул. Димитровского, 3-а, литер Б, офис 1.

Дистрибутор және Қазақстан Республикасында өнімге шағымдар қабылдау жөніндегі өкіл: «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Алматы қ., Димитровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92. E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»: www.eksmo.ru/certification

Технікалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай бақылаушы сайттегігі растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://eksmo.ru/certification/>

Произведено в Российской Федерации / Ресей Федерациясында өндірілген

Сертификацтауға жатпайды

ЧИТАЙ·ГОРОД

Дата изготовления / Подписано в печать 16.03.2026. Формат 84x108^{1/32}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж

экз. Заказ

ISBN 978-5-04-215975-6

© Фролов А., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Здесь же, но позже

Пороховой дым вкрадчиво струился по заброшенному пакгаузу, полз змейками, распадался на дюжины призрачных ручейков, овивал и будто бы ощупывал пространство.

Спиральями кружил вдоль деревянных потолочных подпор, измочаленных дробью и пулями. Прикасался к ножу, торчащему в одной из таковых. Старательно огибал тела на полу, одно еще шевелящееся, мерно истекающее красным, второе — совершенно недвижимое.

В сердцевине секретного склада дым словно бы преднамеренно не копился, предпочитая держаться подальше от полуразобранного моторизованного экипажа. И от плечистого блондина, закованного в паровой скелетный усилитель тела, сейчас лежащего на животе в центре свободного пятна.

Растекаясь вдоль стен, пороховой дымок трогал сброшенные на пол револьверные гильзы, утопшие в соломе и опилках; отражался в луже крови, еще блестящей, не помутневшей; ласкал отброшенную под верстак двустволку.

Наконец дым подтек к жилистому мужчине в кожаном сюртуке, припавшему на колено. Вполз в его

ноздри, и тот жадно втянул аромат, будто вдоль пекарни на рассвете прошел. Склонил голову и еще раз пристукнул стволом револьвера по наплечной раме поверженного.

Второй мужчина в зеленом, чуть подрагивающий и бледный, наблюдал за происходящим с большого дощатого ящика; в одной руке его устало повис наган, в другой — трость.

Цех продолжал наполнять мерный перестук — это револьверный ствол методично целовал нательный армейский конструктор, будто бы отмеряя утекающие секунды. Закованный в этот самый конструктор с жаром в чем-то клялся, но обладатель трости почти не слушал, внимательно наблюдая за реакцией товарища — не спустит ли курок?

— Со всем почтением, друг мой, я обязан заявить, — наконец отметил он с малозаметным нервическим трепетанием, — что несколько иначе представлял себе наши с вами приключения...

Его напарник — крепкий, иссеченный временем и невзгодами, совершенно неподобающего приличному обществу вида — поднял глаза. Но отзванивать стволом по железке перестал.

Улыбнулся чуть хищно, но не без лукавства:

— Однако же признайте, что вам решительно нескучно.

— О, это уж несомненно!

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Молодой граф. Дыхание прогресса. Родовое гнездо

Огромный город подстилался под тушу небохода, неукротимо подползал и завоевывал все поле зрения, от края до края. Абсолютно чистое небо — сюрприз хороших погод, достойный подарок сибирякам, — позволяло рассмотреть столицу в мелочах, даже периферии.

«Основательный» проплывал над городом с юго-востока к западной оконечности. Неторопливо, словно давая пассажирам возможность вникнуть в его географию, как при изучении макета, пока небоход не достиг причального поля.

Любой желающий мог прочертить мысленный треугольник между толстостенными Западной, Китайской и Восточной фортециями; зажмуриться от бликов на поверхности величественной Оби, ощутить фундаментальную целенаправленность широченного Обского проспекта и суровую мощь заводов; восхититься геометрией уважаемых районов, упорядоченных по западным образчикам, и тут же умилиться суетой окраинных домишек да многоярусным хаосом азиатских кварталов.

Императорский дворец в Южнобережной части столицы бравировал золочеными шпилями, чело-вечки и кареты на Сенатской площади казались игрушечными. То здесь, то там солнечными зайчиками подмигивали пассажирам редкие маковки православных церквей. Пряталась за плотным угольным покрывалом паровозного дыма туша центрального

вокзала — главнейшего транспортного узла гигантской империи.

Однако ключевым объектом интереса, безусловно, оставалось главное некрофамилианское святилище империи — собор Вечного Клавдия, величественный Дом Необрываемой Жизни в сердце столичного Правобережья, затыкающий за пояс и римского Петра, и чешского Вита, и константинопольскую Софию.

Огромный, но вовсе не помпезный, он занимал сразу четыре квартала, вызывая почтительный трепет последователей и завистливое негодование любого неприятеля.

Когда небоход миновал Обь в условной сердцеvine столицы, становилась наиболее заметна ее лаконичная гениальность, лучевой тип градообразования, географические достопримечательности и связующие оси, равно и как два магнетических центра сходов этих осей — Всеимперский Клавдий на одном берегу и Адмиралтейство на обратном.

Впрочем, на борту «Основательного» желающих оценить величие столицы с точки зрения птиц выискалось всего ничего — у фронтального остекления комфортабельной пассажирской гондолы стояли лишь двое мужчин, молча изучавших город внизу.

Тот, что повыше и чуть моложе на вид, был одет в добротный темно-зеленый сюртук, немного устаревший для столичной моды, но все еще допустимый в приличном обществе; на ногах носил ботинки для путешествий, этих путешествий повидавший в избытке.

Тот, что малость пониже, от пяток до макушки упаковался в потертую телячью кожу — от штанов и высоких, почти до колена, сапог до черного сюртука с толстым стоячим воротом. И даже компактный

черный же котелок, лежащий на диване, также был вытянут из кожи. Весь наряд мужчины выглядел отнюдь не с иголки, определенно повидал непростые времена, но все же выдавал бережное отношение хозяина и его опрятность.

Оба были гладко выбритыми, осанистыми и весьма крепкими брюнетами, что за время путешествия неоднократно приковывало к молодым господам взгляды путешествующих на «Основательном» дам всех возрастов.

— Потрясающий город, — негромко оценил первый.

Серые глаза его сверкали, он с жадностью всматривался в проспекты, переулки и еще оголенные парки. Отдельное внимание уделил Императорской Академии художеств и чугунолитейным заводам.

— *And, which is worse, all you have done, hath been but for a wayward son, spiteful and wrathful; who, as others do, loves for his own ends, not for you**, — задумчиво и тихо продекламировал он же. — И сколько здесь нынче обитается?

— Более миллиона душ, граф, — столь же негромко ответил его спутник, изучая город с куда большим спокойствием, — и это не считая *пребывающих в камне*, разумеется.

Он вынул из пистончика потертые часы, щелкнул крышкой и добавил с легким смешком:

— Вы, Андрей Константинович, так впечатлены, словно отродясь в столице не бывали.

Хоть в голосе мужчины и звучало дружеское лукавство, бледно-голубые глаза казались полуживыми, непроницаемо-змеиными, как и взгляд их, нацеленный на все сразу и ни на что в отдельности.

* К тому же этот властелин — ваш дерзкий и строптивый сын: он грозен, но, других губя, не вас он любит, а себя. (Пер. М. Лозинского.)

— Что поделать, Илья Генрихович, — Андрей Константинович улыбнулся собственному отражению, оправил каштановую челку, — время никого не щадит...

Он обернулся и окинул взглядом полторы сотни пассажиров небохода, даже не сдвинувшихся с мест на подлете к столице. Важные пузатые господа читали газеты; дамы время от времени поглядывали в бортовое остекление, но лениво, с нарочито искусленно-презрительным видом, будто в перелете участвовали далеко не первый раз и вообще видали и не такое.

Пахло выпечкой, свежим кофе и многоотным букетом парфюма.

— Полагаю, — сероглазый мужчина едва шевелил губами, но спутник был привычен и шепот уловил, — Илья Феоклистович, к местной публике мне тоже придется осваиваться заново?

— Верно полагаете, — кивнул тот. Бросил последний взгляд на дворцы и храмы, на наползающее причальное поле, и тоже осмотрел просторный салон. — Уверен, ваше сиятельство, она вас еще неоднократно удивит.

Тем временем небоход окончил неторопливый круиз над столицей и с подветренной стороны подкрался к причальной мачте. С носовой кабины сбросили гайдроп, игрушечные человечки внизу шустро сцепили его с тросом вышки.

Заработали лебедки, «Основательного» качнуло, развернуло под нужным углом и бережно подтянуло к башне.

Звуки швартовки небохода в стыковочное гнездо словно пробудили публику, пассажиры торопливо допивали кофе и начинали готовиться к выходу. Перед глазами Андрея замелькали утепленные пальто с меховыми воротниками, несколько шуб; блестели атласом дорогие цилиндры.

На парочку у фронтowego остекления косились осторожно, и — в основном мужчины — с легким неодобрением. Впрочем, как и весь перелет из Иркутска. Это же нужно такое удумать, допускать слугу в первый класс? Да еще и такого... жутковатого...

Граф вежливо улыбнулся в ответ на пару переваченных взглядов, подхватил с дивана черную, чуть подкрученную в спираль трость-шилейлу. Элегантным, почти театральным жестом водрузил на голову вполне приличный, пусть и не самый новый стетсон средних полей и тульи. Илья тут же вынул из дивана походный саквояж и надел котелок.

Однако к выходу, пропуская самых нетерпеливых пассажиров, парочка не направилаь, дожидаясь очереди в сдержанном иронизировании над нелепой спешкой.

Шлюзовую кабину открыли, человек стал приглашать на выход, где подоспевший капитан облачного судна вежливо раскланивался с каждым уходящим гостем.

Судя по шуму, с нижней палубы взялись разгружать багаж. Когда полторы сотни мужчин, женщин и детей перешли в башню, а первые платформы стали уносить прибывших вниз, граф и его компаньон тоже покинули борт «Основательного». Раскланились с капитаном, остановились у поручней.

Высота причального перста была даже более пугающей, чем по время путешествия, но Андрей бесстрашно навис над перилами. Прорекламентировал в чистое небо, не смущаясь тем, что сильный холодный ветер уносит половину слов:

— Сим заверяю, что двенадцатого апреля восемьдесят шестого года с палубы небохода «Основательный» на земли столицы Российской сошли граф

Андрей Протасов и его верный старпом Илья Харитонов, в путешествии своем нелегком оставившие за спиной добрую половину земного...

Илья прочистил горло, и Протасов непостижимым образом услышал. Покосился, наткнулся на скептический взгляд, улыбнулся и виновато развел руки.

— Простите великодушно, друг мой, — хохотнул он, — ничего не могу поделать, хорошее настроение!

Три небольшие очереди к пункту пропуска быстро иссякали, и мужчины двинулись вперед. Чиновник таможни, сверяющийся со списками, бросил на них быстрый взгляд, опустил в книги, но уже через секунду взглянул снова. На этот раз с плохо скрытым удивлением.

— Граф Протасов, ваше сиятельство... — пробормотал он, стараясь не пялиться на Илью, — и его приказчик... Харитонов, если не ошибаюсь?

Не пялиться у него выходило до безобразия скверно.

Впрочем, оно и понятно. Кроме непродуваемых облачений приказчика, внимание притягивала и серьга с белоснежной костяной фигуркой, и кожа — загорелая почти дочерна, обветренная. А еще грубый шрам на лбу и совершенно варварская угольная татуировка, убегающая с левой щеки под шейный платок и ниже под одежду.

Чиновник перевел беспомощный взгляд на графа, снова на слугу и вновь на Протасова. Илья чуть заметно улыбнулся, но глаза его при этом оставались холодными, как пробивающий башню апрельский ветер.

Обоим было не привыкать, сходство Андрея и его помощника отмечалось даже несмотря на легкую разницу в росте и оттенках загара. Таковое сходство,

как неоднократно и с нотками таинственности пояснял Протасов наиболее любознательным, всенепрерывно образуется меж конгениальными людьми, длительно существующими бок о бок, увлеченными общим делом и, что немаловажно, повязанными непростой судьбой...

— Вы намерены что-то задекларировать, ваше сиятельство? — наконец ожил чиновник, делая пометку в книге.

— Никоим образом, — Андрей проделал неопределенный жест, — я путешествую налегке. Дела семейного характера, если это имеет значение.

Илья вдруг глубоко вздохнул, отвернулся посмотреть на огромный город и одним пальцем помассировал правый висок.

— Добро пожаловать в Ново-Петербург, граф! — таможенник выпалил это весьма воодушевленно, но искренности в голосе примечалось ничтожно мало.

Харитонов благодарно кивнул, а Андрей пристукнул тростью о металлические пластины этажа и зашагал под крышу, где размещались спуски.

— Друг мой, только не говорите, что эту сотню метров вниз мы будем обязаны отмучиться по ступенькам! — тихо взмолился он, озираясь в поисках указателей.

— Обижаете, ваше сиятельство, — Харитонов позволил себе кривую улыбку и указал на ряд двустворчатых дверей справа. — Мы оба видели разгрузку.

— Подъемные машины! — Андрей с интересом подступил, прислушался к гулу. — И даже не паровые?

— Насколько мне известно, — его спутник взглянул вниз через решетчатое ограждение шахты и убедился, что свободная кабина уже поднимается

к ним, — уже после своей смерти двадцать лет назад господин Отис помог русским усовершенствовать собственное изобретение. А первый электрический подъемник в столице заработал еще... где-то в восьмидесятом.

— Потрясающе, — поджав губу, покивал Протасов. — И даже кнопочная система... Какое спасение для натруженных скитаниями ног!

Вниз спускались в составе последней группы пассажиров «Основательного». Детишки баловались и шумели, присоединившиеся к семьям слуги безуспешно пытались навести тишину.

Граф зачарованно впитывал виды города, к которому они становились ближе с каждой секундой. На Илью косились, но лишь до тех пор, пока тот не отвечал прямым и спокойным взглядом.

Едва подъемная кабина опустилась до наземного уровня, к ней бросилась стайка юношей в утепленных ливреях «Толмачевских причальных полей». Вероятнее всего, служащие имели прямую координацию с чиновниками на вершине причальной башни, потому что один из молодых людей тут же подскочил к Андрею и Илье — услужливый, быстрый, разве что каблуками не прищелкнул.

— Господин Протасов? Ваше сиятельство, куда прикажете багаж?

Тот поежился, вскинул воротник, огляделся с удовольствием куда меньшим, нежели на борту небохода.

— Ваньки у вас имеются?

— Собственный парк, ваше сиятельство!

— Наймите, — приказал Харитонов, выступая вперед и протягивая юноше монету. — Загружайте и подавайте, поедем на Шпалерную.

Юноша испарился, граф снова завертел головой.

В небе над причалами парило изрядное множество небоходов, причем коротающий время Харитонов даже провел лекцию, отметив часть явно зарубежного производства с чуть измененной системой подвески гондол.

Некоторое количество судов отчаливало на юг или запад, столь же многие только тянулись к полю для швартовки, в режиме бесконечного конвейера доставляя в столицу новые сотни гостей и тонны грузов.

Потянуло табаком — пассажиры едва прибывших небоходов старательно дымили папиросами и трубками, бесчеловечно лишённые такой возможности за весь длительный перелет.

На земле вокруг поля тоже царило оживление, легко путаемое с хаосом. От станций разъезжались кареты, как дождавшиеся господ, так и нанятые на месте; виднелись даже омнибусы для менее обеспеченных гостей столицы.

Чемоданы Протасова загрузили довольно быстро, что, в том числе, обуславливалось их малочисленностью. Когда ландолет со знаком «Толмачевской причальной артели» на борту подогнали к поросшей травой обочине, граф и Илья спешным шагом добрались до транспорта, где Андрей столь же торопливо укрылся под выдвижным тентом.

Обстоятельно устроился на сиденье, одернул полы сюртука и с довольным видом сложил руки на набалдашнике трости. Он был похож на ребенка, которому наконец дозволили развернуть именинный подарок.

— Ну что, господин Харитонов, — многозначительно поинтересовался он, — покатаемся навстречу настоящим приключениям, удивительным и непостижимым никому, кроме нас?! Не стану скрывать, душа моя ликует в предвкушении. Убежден, предприятие сие будет ярким и, смею надеяться, также скоротечным и необременительным.

Илья деловито пересчитал багаж в решетчатом отделении за тентом, забрался следом и устроил саквояж на коленях.

— Приложу все усилия, ваше сиятельство, — он почтительно склонил голову, отчего белая серьга качнулась. — Дозволите нескромный вопрос?

— Несомненно.

— Вы готовы? Все как было оговорено?

— Все как было оговорено, — решительно кивнул Андрей. — А затем расходимся персональными галсами.

— Отрадно слышать. В таком случае находим, забираем и уезжаем.

Граф задумчиво куснул губу.

— Также, безусловно, решив вопрос с наследованием...

— Разумеется.

На лице Протасова снова возникла шаловливая улыбка.

— Но приключения все же обещаете?

Теперь Харитонов не сдержался, улыбнулся, пусть и не очень широко.

— Всенепременно, граф. Как вы и изволили выразиться, скоротечные, необременительные и со скорым отъездом из пыльной сибирской столицы.

— Едемте! — Протасов пристукнул тростью, и ванька принял это за распоряжение чуть щелкнуть вожжами. — Однако же, право слово, здесь чертовски зябко, и я виню себя, что спрятал шарф...

— О, — задумчиво протянул Илья, не переставая внимательно оценивать многочисленную публику у края поля и подъезжающих к станциям карет, — уверяю вас, что сибирская весна еще даст о себе знать.

— Друг мой, — теперь в голосе Протасова слышалась капризная просьба, — молю, напомните мне отныне одеваться потеплее!

Ландолет покатил, извозчик беззлобно переругнулся с коллегами, вывернул на свободное место и направил пару лошадок в примеченную брешь среди столпотворения людей, колясок и животных.

Андрей осматривался с интересом и охотой, Илья — спокойнее, лишь редкими кивками поддерживая энтузиазм графа и время от времени потирая висок. Он казался задумчивым и сонным, но по-настоящему поверить в это смог бы лишь весьма малознакомый с ним человек...

Менее чем через километр коляска выкатила на добротную брусчатку, причем плотную, малотряскую. Приготовившийся к болтанке Протасов авансом сморщился в предвкушении неприятного, но уже через минуту с интересом взглянул на заднее колесо.

— Современнейшие рессоры у портового ваньки? — с недоверием осведомился он, и Харитонов молча кивнул. — Подумать только... что ж, друг мой, вынужден начать кампанию по признанию — пока столица производит на меня внушительное впечатление сосредоточия самых передовых технологий!

— Мне кажется, граф, — с тонкой улыбкой ответил Илья, — что в этом вам еще предстоит убедиться неоднократно.

С параллельной тракту дороги, самой простой, самотоптанной и земляной, понесло пылью, и Протасов прикрыл лицо платком. Выглянул, хмыкнул. Там текущие мерным стадом в сторону Ново-Петербурга с запада надвигались группы людей — где по пять — десять человек, а где и до полусотни.